

Шапиро Б.Л.
(Москва)

УДК 930.85

ГЕРБОВОЕ УБРАНСТВО ЦАРСКОЙ ЛОШАДИ: РОССИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОЕ ВРЕМЯ

Гербовое убранство во все периоды истории было значимым компонентом в системе выстраивания иерархии власти. Особое место в этой системе принадлежит царской лошади, убранство которой представляло фон для восприятия образа государя. Отмеченное государственной символикой, такое убранство приобретало особый статус, выделяясь из массы вещей, предназначенных для повседневного царского обихода.

В России позднего Средневековья и Нового времени сюжеты гербовых вещей имели вполне конкретно понимаемую современниками символическую основу. Традиционными для украшения парадного убранства царской лошади были изображения ездока и фигуры четырех животных: грифона, орла, единорога и льва, которые следует рассматривать в качестве единой российской государственной символической системы.

В этом контексте нами анализируется конское убранство в целом. Подробно исследуется весь предметный ряд, составляющий убранство царской лошади, с акцентированием внимания на наиболее значимых для русской церемониальной культуры вещах. Это подлинные памятники прикладного искусства из собраний отечественных музеев, которые интерпретируются посредством описей имущества и исторического нарратива. Отдельное внимание уделяется убранству, принадлежащему личным лошадям русских правителей от Ивана Грозного до Николая II.

В результате работы уточнен предметный ряд, составляющий гербовое убранство царской лошади, а также выявлены и идентифицированы подлинные предметы такого рода, находящиеся в отечественных музейных собраниях. Определена роль гербового конского убранства в формировании образа властителя. При всем его разнообразии в разные исторические периоды оно прежде всего служило формированию образа могущественного властителя, выступая как форма репрезентации власти в вещно-предметном мире.

Ключевые слова и фразы: русская культура, власть, церемониал, геральдика, конское убранство.

Armorial decoration in all periods of history was an important component in the hierarchy of power. A special place in this system belongs to the royal horses, whose decoration is a background for the perception of the image of the ruler. Marked state symbols, this decorations has gained a special status, standing out from the mass of things intended for everyday of the tsarist household.

The stories of armorial items have a specific symbolic basis in Russia of the late Middle Ages and Modern Times. The traditional images for decoration of ceremonial attire of the royal horses is Rider and heraldic figures of four animals: a griffin, the eagle, the lion and the unicorn, which should be seen as a unified Russian state symbol system.

In this context, we analyzed the whole horse trappings. We examine in detail all the decoration of the royal horse, with a focus on the most significant objects in the Russian ceremonial culture. This is authentic monuments of applied art from the collections of Russian museums, which are interpreted by the property inventory and historical narrative. Special attention is paid to the decoration belonging to private horses of Russian rulers from Ivan the Terrible to Nicholas II.

As a result we updated a number of armorial royal horse harness, but also revealed and identified the real objects of this kind are in the Russian museum collections. Define the role of armorial horse harness in shaping the image of the ruler. For all its diversity in different historical

periods, first of all it helps to create the image of a powerful ruler, acting as a form of representation of power in the proprietary world of objects.

Key words and phrases: Russian culture, power, ceremonial, heraldry, horse trappings.

Изучение материальной культуры российского государственного церемониала в отечественной науке имеет давнюю традицию. На сегодняшний день проанализированы – в разных случаях детально или более фрагментарно-государственные и воинские регалии, их семантика, а также оружие, доспех и другой вещно-предметный ряд, сопровождающий официальные тожества. В этой системе убранство царской лошади имело особое место, поскольку оно представляло собой фон для восприятия образа государя. Однако именно комплекс парадного конского убранства практически не исследован в этом контексте, хотя он уже изучался в рамках декоративно-прикладного искусства и музееведения. Попытаемся хотя бы частично заполнить выявленную лакуну.

В разное время к убранству царской лошади относилась довольно значительная группа предметов. В полный парадный убор, сложившийся к XVII столетию, входили:

- 1) оголовь с многочисленными элементами декора и удилами различных типов;
- 2) так называемые «снасти» – то есть ремни «золотые, тесьмяные и прочие [7, с. 496], узды с поводьями и без, ошейки, шлеи, паперсти с пахвями и т.д.;
- 3) арчаки, седла и седельный сбор со стремянами (для верховых и выводных лошадей) и седелки (для упряжных лошадей);
- 4) декоративные текстильные покровы – покровцы, попоны, чепраки, чалдары, наметы, платы и т.п.;
- 5) декоративное убранство из драгоценного металла – прежде всего поводные и гремячие цепи и наколенники.

Главными по смыслу среди гербового конского убранства были покровцы, которые предназначались для накрывания седел заводных лошадей, идущих перед царской каретой. Покровцы лошадей, находившихся под царственными всадниками, несли перед ними или за ними [12, с. 269].

Одним из самых ценных покровцов, если не самым ценным из всех имеющихся в царской Конюшенной казне, считался так называемый «покровец с царствы», вышитый по лазоревому атласу «пряденым золотом, серебром и разноцветными шелками; в середине на красном фоне вышит герб Московского государства – двуглавый орел с Георгием Победоносцем на коне в центре; конь вынизан мелким жемчугом. В кайме покровца – десять кругов из белого атласа с вышитыми золотом, серебром, разноцветными шелками и жемчугом гербами областей Московского государства: Казанской, Сибирской, Новгородской, Тверской, Рязанской, Болгарской, Пермской, Вятской и Нижегородской; круги обведены рельефно вышитыми золотом и серебром обводками с жемчужным низаньем; жемчуг обильно украшает все шитье покровца. По краю – серебряная бахрама, подкладка – желтой камки» [12, с. 268]. Изготовлен он был в начале первой четверти XVII в.

В так называемой Описи Бутурлина (описи Конюшенной казны, составленной в 1706–1707 гг. стольником Ф. Бутурлиным) этот покровец указан первым среди всех покровцов царской Конюшенной казны [12, с. 267]. Вероятно, именно его несли за лошадью Алексея Михайловича, возвращавшегося в Москву в 1655 г. после польского похода: «за царской лошадью несли царский герб – орел на драгоценном покровце, вышитый золотом» [12, с. 269].

Близко по внешнему виду и по смыслу к покровцам Конюшенной казны примыкали покровцы саадачные, которые принимали участие в церемониальных маршах и воинских походах среди прочих государственных и воинских регалий. Их несли перед царем вместе с саадаком, в развернутом, как штандарт, виде [11, с. 226–227; 29, с. 115].

Опись саадачных покровцов также открывается «покровцом с царствы»; в описи 1884 года он значится под № 1 в разделе покровцов для саадачных приборов: «покровец саадачный Большого Наряда, XVII века, длина 2 аршина, 1 вершок, ширина 1 аршин, 8 вершков, середина шита волоченым серебром, на ней в гербе, обведенном золотою каймою с жемчужными отводками, вышит золотом двуглавый орел, венцы и около щита шито жемчугом, по краям шиты золотом каймы и наугольники травчатые, кайма атласная красная, на ней в щитах, обнизанных жемчугом, вышиты гербы: Казанский, Астраханский, Сибирский, Новгородский, Псковский, Тверской, Пермский, Вятский, Болгарский, Нижегородский, Рязанский, Ростовский. Бахрома серебряная, со следами позолоты, на углах кисти серебряные... ворворки золотые, переплетены шелком» [21, с. 336].

Сходство усугублялось тем более, что оба вида покровцов имели богатый декор, выполненный в сложных, но схожих техниках из дорогостоящих материалов; в общих деталях они были весьма близки. Оба они выполнены в технике так называемого «высокого» шитья золото-серебряной нитью способом «высокий шов» и «высокий накладной шов» с включением жемчужного низанья.

Этими способами украшались и другие парадные конские вещи, такие как седла, попоны и чепраки. Так, согласно описи 1884 г., в царской Конюшенной казне находились следующие вещи, вышитые именно таким образом:

1) чепрак, «вышитый высоким швом золотом и серебром травами, кайма из золотого кружева»;

2) два чепрака английского покроя, один – «...с вышитыми высоким швом травами и двумя всадниками, один в польской, другой в турецкой одежде, с саблями в правых руках, лица вышиты из атласа, у коней глаза стеклянные», другой – «...вышитый по проклеенной бумаге волоком, серебром, золотом и шелками. На углах изображен Георгий Победоносец. Подкладка суконная красная»;

3) чепрак с геральдическими фигурами «...по зеленому бархату шитый высоким швом золотом, серебром и коваными блестками, между травами вышиты: лев со знаменем и два латника, с опущенными забралами и копьями, на скачущих конях. Подкладка зеленой тафты, надставка зеленая суконная» [22, с. 177–178];

4) пять попон «малиновых, бархатных, обложены золотым кружевом; на каждой нашито по три двуглавых орла, шитых высоким швом, шелками и золотом, попоны подложены желтою тафтою» [22, с. 140].

Гербовую вышивку получили и каптуры для официальных торжеств, к которым в Российской империи причисляли, в том числе, и похороны – «печальные торжества». Это были конские покровы особой формы, с наголовником, которые также отличались увеличенной, до самых копыт лошади, длиной [30, с. 16–17]. Такими были хранящиеся в Конюшенной казне «двенадцать каптуров суконных красных и каптур суконный желтый. На нем нашиваны орлы и травы суконные красные» [7, с. 499], предназначенные, очевидно, для официального церемониала.

Гербовые изображения вышивались золото-серебряной нитью по более или менее выпуклому вспомогательному настилу, выложенному по основному фону. Фоном для работы в такой технике были тяжелые материи – бархат, сукно, золотные ткани или кожа. Нить закреплялась способом «в прикреп» и «в лом», когда нить перегибалась в местах прикрепа, не протягиваясь на изнаночную сторону [36, с. 120–121]. В такой же технике выполнялся и декор саадаков.

Золото-серебряное шитье дополнялось таким же кружевом и жемчужным низаньем, которое с самого раннего времени было важнейшим элементом декора наиболее значимых светских и культово-ритуальных предметов [37, с. 10–12]. В такой технике выполнялся особо ценный вещевой материал, издавна хранящийся в составе царской казны и патриаршей ризницы.

Пышно украшались и саадаки, которые представляли собой комплект из лука, вложенного в налуч, и колчана со стрелами. Ранее он был основным оружием воина русской поместной конницы [11, с. 214].

Три царских саадака – так называемые Большой, Другой (также называемый Второй) и Третий – занимали значительное место в системе царского гербового убранства. Их декоративное оформление было принципиально различным.

Самый сложный и богатый декор имел саадак Большого наряда, главная из всех воинских регалий, с которой начинался их отсчет. Право ношения такого саадака имел только государь или его наследник. Самым ранним саадаком Большого наряда, сохранившимся до нашего времени, является саадак Михаила Федоровича, изготовленный в московском Серебряном приказе в 1627–1628 гг. Он служил царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу до 1656 гг.

Статус саадака Большого наряда подчеркивается сложной системой символического декора. У саадака 1627–1628 гг. это герб России – двуглавый орел под тремя коронами, ездец – древний герб Московских князей и заключенные в круглые медальоны цветные эмалевые изображения белого орла с короной в когтях, грифон с державой, единорог со скипетром и лев с мечом. Декор расположен на богатом резном фоне из золота, эмали и драгоценных камней – алмазов, рубинов и изумрудов [11, с. 214–217, 222, 359–360, 362].

Саадак царевича Алексея Алексеевича, изготовленный в Оружейной палате в 1667 г., был выполнен из белоснежного шелкового атласа и украшен шитьем золотными и цветными шелковыми нитями и серебряной канителью. В технике золотного шитья на нем изображены двуглавый орел под тремя коронами в картуше, вид Московского Кремля и гербы царств, земель и княжеств, входивших в состав Российского государства [11, с. 222–225, 362–363].

Отметим, что это одно из самых ранних изображений герба, размещенного в картуше; такая композиция становится характерной для русских гербовых вещей, начиная с 1670-х гг. [14, с. 195].

Саадак Большого наряда дополнял тахтуй – шелковый чехол для налуча, донце которого также украшалось гербовыми сюжетами. Декор саадаков второго и третьего нарядов был несколько проще, но также составлялся из гербовых фигур – орлов, львов и единорогов.

Большинство гербовых вещей из царской казны сделано руками русских мастеров, однако это обстоятельство не имело характера императива. Так, саадак Большого наряда Алексея Михайловича и посольский топор, украшенный двуглавым гербом под тремя коронами, были изготовлены в Турции [11, с. 210–211, 218–219]. Целый комплекс гербовых регалий 1656 г. – бармы, скипетр, держава и саадак Второго наряда – был изготовлен стамбульскими мастерами [5, с. 242].

Были декорированы русским государственным гербом в виде двуглавого орла под двумя коронами и изготовленные в Амстердаме подарки правительства Голландских штатов – блюдо и кувшин – поднесенные царю Алексею Михайловичу в 1648 г. [10, с. 72–73]. На обоих предметах на груди орла вычеканен ездец, поражающий копьем змея.

Декорирован изображением двуглавого орла под короной и парадный чалдар, «разрезанный для лошади, под русским воеводою, малинового бархата, шитый золотом, серебром и шелками, на правой стороне вышит герб под короною» [22, с. 192]. Эта принадлежность парадного конского убранства, изготовленная придворными иранскими мастерицами в конце XVI – начале XVII вв., предназначалась российскому правителю в качестве дипломатического подарка [40, с. 194].

Такое убранство предназначалось для украшения не только царских лошадей, но и для лошадей лиц, сопровождавших правителя во время церемонии, что объясняет его довольно значительный ряд. Наиболее многочисленной группой среди гербового убранства царской лошади были парадные седла XVII столетия. Большинство из них так же, как и парадное оружие и доспехи, изготавливалось в Оружейной палате для церемониальных нужд двора –

не только царской семьи, но царских телохранителей, военачальников и «сотенных людей» Государева полка [11, с. 242–243].

Так, согласно описи 1884 г., в Конюшенной казне среди всего массива гербового убранства находились два арчака и 17 седел, включая «седло детское, луки и извести окованы золоченым, расчеканенным травами серебром; на передней луке вычеканены лев и единорог, на задней – двуглавый под короною орел» [22, с. 50].

Несмотря на то, что детские седла имели название «недомерков» и/или «потешных», в действительности они ничем не отличались от полноразмерных экземпляров, кроме своих габаритов. Известно, что первоначально «недомерки» завозились в Россию как диковинки, но их использование в обучении царских детей верховой езде со временем стало традицией [23, с. 174]. «Мы удивлялись на обычаи их детей, на то, что они с малых лет ездят верхом на маленьких лошадках <...> так мы видели и удостоверились в этом после многих расспросов» [1, с. 35], – отмечали путешественники, побывавшие в Московии. Как следствие, царевичи росли в среде, для которой само слово «князь» означало «конный человек» [4, с. 4, 8], где конь входил в число наиболее престижных атрибутов власти.

Подростки участвовали в церемониях верхом наряду с взрослыми мужчинами; эта традиция соблюдалась вплоть до последних лет Российской империи. Вот как описывали современники парадный выезд по случаю коронации Александра III и его супруги Марии Федоровны: «Государыня императрица вместе с великой княгиней Ксенией Александровной села в карету. Государю императору подали верхового коня белой масти. Государь Наследник Цесаревич (на тот момент пятнадцатилетний – прим. Б.Ш.) сел тоже на лошадь, а Великий Князь Георгий Александрович (двенадцатилетний – Б.Ш.) поместился на маленьком пони» [17, с. 3].

Возвращаясь к полноразмерным седлам, отметим, что гербами украшались не только луки седел, но и седельная текстильная отделка. Самое раннее царское седло, украшенное текстилем с гербовым сюжетом, из известных сегодня, выполнено силами Царицыной мастерской палаты в годы правления Ивана Грозного; возможно, оно принадлежало ему лично [14, с. 191; 20, с. 71]. Сиденье седла и его крыльца покрыты вишневым бархатом с вышитыми пряденым золотом и серебром двуглавыми орлами, травами и «инорогами» (то есть единорогами, о роли которых в системе гербового убранства будет сказано чуть ниже – Б.Ш.) [22, с. 30-31].

В целом гербовое убранство более чем характерно для парадных седел допетровской России. Так, например, сохранилась группа парадных седел времени правления Алексея Михайловича, луки которых украшены гербом Российского государства.

Гербовым декором полноразмерных седел и арчаков в России позднего средневековья были следующие сюжеты:

- 1) «на задней луке двуглавый орел»;
- 2) «на задней луке двуглавый под короною орел»;
- 3) «на задней луке двуглавый орел, лев и единорог»;
- 4) «на задней луке двуглавый под короною орел, между львом и единорогом»;
- 5) «на передней луке в травах лев и гриф, на задней двуглавый, под тремя коронами, орел»;
- 6) «луки и извести с... меж трав львом, единорогом и соколами»;
- 7) «на задней луке и известях всадник, поражающий дракона, соколы в травах, единорог и лев»;
- 8) «на задней луке двуглавый под тремя коронами орел, на передней единорог и Самсон, раздирающий пасть льва»;
- 9) и особенный по богатству содержания «меж трав на передней и задней луках двуглавые орлы; на передней орел под короною со скипетром и державою; по сторонам орла: единорог, лев и крылатые грифы; ближе к известям – вооруженные саблями и копьями, всадники и пешие стрелки» [22, с. 5-6, 8, 41-47].

Стоит отметить, что изображение герба на оправе обоих луков седла наиболее характерно для второй половины XVII в. [14, с. 194].

Другие элементы седельного сбора также украшались гербовыми изображениями. В допетровской России царские стремена имели гравировку в виде двуглавого орла, которая располагалась в центре круглого подножия [6, с. 206–207; 22, с. 16]. Сохранились стремена, выполненные в мастерских московского Кремля для царя Алексея Михайловича. Легкие дугообразные стремена из золоченого серебра имеют резное изображение двуглавого орла в картуше [14, с. 194–195]; изображение расположено традиционно – в центре круглого подножия.

Позже в седельный сбор стали входить пистолетные ольстры, оформление которых в парадном убранстве было очень эффектным: «...бархатные, шитые травами, золотой канителью, и блестками, с двумя жемчужными двуглавыми орлами на отворотах, украшенными местами изумрудами и красными яхонтами... У орлов: головы, шеи, туловища, и часть крыльев из мелкого жемчуга; вместо глаз две яхонтовые искры, а на средине туловищ, где обыкновенно бывает Московский герб, по одному треугольному изумруду, в золотых гнездах. В коронах над орлами двадцать четыре яхонта. Три короны, крышки над патронами, обнизь вокруг бархата, подле герба, равно каймы по краю отворотов и средине в шестидесяти четырех травах, вышитых на самых ольстрах, низаны по местам одинаковым с орлами жемчугом, местами с обводкой золотым трунцалом и канителью» [22, с. 123].

Гербовыми изображениями украшались и прочие детали конского убранства. Под седло подкладывали покровы различных типов – чалдар, чепрак, попону, которые в парадном их варианте также имели символический декор, выполненный в технике золото-серебряного шитья. Так, в Описи Бутурлина содержится следующая запись: «Попона турецкая бархатная красная. По ней вышиты два круга золотом с карунами. По углам кругом обложена кружевом серебряным кованным» [7, с. 499]. В описи Оружейной палаты от 1884 г. она описана как «...попона турецкая, рытого красного бархата, по бокам наложены два шитые шелками и золотом герба; над одним из гербов корона, по углам четыре вышитые золотом и серебром арабеска; обшита кругом, и разделена пополам серебряным кружевом, подложена желтым киндяком» [22, с. 140].

Сверху седло покрывалось роскошными, пышно декорированными наметами, покровцами и платами. Кроме «покровца с царствы», в царской Конюшенной казне для этой цели имелся «покровец из персидской парчи, на нем травы и птицы разных шелков, кроме сего травы тканые серебром, в середине между трав два орла двуглавыя, тканые серебром и разными шелками под тремя каждым коронами, опушен бахромой золотою с серебром, подложен тафтой жаркого цвета» [22, с. 142] и «плат бархатный, зеленый, расшитый золотым кружевом и блестками, в середине вышита из кружева корона; обложен с трех сторон золотою бахромой, половина плата малиновая атласная, подложен желтым полинялым киндяком» (инв. № 8970 по описи 1884 г.), [22, с. 142].

Встречалось такое убранство и в Новое время. К времени правления Павла I относятся «попона шелковая, с гарусом, той же фабрики; на груди двуглавого орла мальтийский крест и вензель Императора Павла, по углам два шифра» [22, с. 141] и «попон гарусных две; построены в 1799 году, в Императорской Шпалерной Мануфактуре, с двуглавыми по средине орлами» [22, с. 141], хранившиеся в Конюшенной казне.

Размещались гербовые символы и на оголови. Так, была украшена изображением орла под короной решма русской работы XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля [33, с. 6].

Другим гербовым украшением оголови в это время были «кроме набора, серебряных золоченых наузольников с чеканным изображением битвы... очельный продолговатый, большой плащ серебряный, золоченый, с выбитыми двуглавым под короною орлом и травами» [22, с. 111] и так называемые шорные кровли – в парадном варианте красные бархатные, «по углам... четыре серебряных золоченых наконечника, с вычеканенными львами и едино-

рогами... в середине двуглавые серебряные орлы, над одним орлом золоченая корона» [22, с. 137].

В Новое время на оголовьях и шлеях также размещались декоративные накладки с гербовыми изображениями. Так был украшен комплект упряжи на цуг из шести лошадей, выполненный из красной и зеленой кожи, расписанной золотом и красками и украшенный бронзовым чеканным золоченым набором. На входящих в комплект оголовьях и шлеях были размещены декоративные накладки из золоченой бронзы с изображениями двуглавых орлов под коронами, а на седлах – кольца с императорской короной. Упряжь была изготовлена в конце XVIII в., вероятно, для торжественного въезда в Москву коронационной процессии Павла I [2, с. 120–121].

Украшена гербами и упряжь на цуг, изготовленная в 1856 г. к коронации Александра II. Она декорирована золотным позументом, положенным по алому бархатному полю, и бронзовыми золочеными накладками в виде двуглавых орлов и императорских корон [24, с. 196–198]. В этом уборе гербы расположены на оголови, на накладках шлеи и на наглазниках (шорах).

Одним из наиболее необычных и эффектных украшений царской лошади были гремачие и поводные цепи. Они входили в число символов царской власти, являясь для выводных лошадей главной деталью так называемого Большого конского наряда [19, с. 121]. Многие из них несли на себе гербовые символы. Ими были:

1) львы [19, с. 128];

2) одноглавые орлы: «...цепь серебряная, золоченая с медными колокольчиками. В цепи 44 места, из которых 17 с колокольчиками, в виде кувшинчиков из шести дуг, а прочие места продолговато-круглые с вырезками посередине и по краям; те и другие позолочены и меж собою соединены серебряными белыми кольцами. В числе сорока четырех мест находится одноглавый орел с распущенными крыльями» [22, с. 165];

3) двуглавые орлы: «...цепей серебряных волоченых гремачих двойных две, к ним один ошейек двойной, серебряный, золоченый, как в цепях, так и в ошейке яблоки прорезные, внутри яблоков шарики, в цепях 8 яблоков, на середине ошейка начелок серебряный вызолоченный отливной с двуглавым орлом. По счету всех мест, включая яблоки и начелок, 72» [22, с. 164];

4) двуглавые орлы «у коих крылья распущены, а в когтях каждого по скипетру и державе», расположенные на восьмиугольных золоченых прорезных звездах [22, с. 165].

Традиция использования гремачих и поводных цепей относится, прежде всего, к допетровской России, однако они задействовались и в более позднее время. Так, вышеупомянутая цепь с ошейком, украшенным двуглавым орлом, в 1725 г. украшала одну из лошадей во время траурной процессии при погребении Петра I [19, с. 128]. Однако, принимая во внимание, что эти похороны стали не только наиболее полным выражением нового имперского ритуала но и одновременно одним из последних погребений «по московскому обычаю» [38, с. 138]. Причиной смещения столь разноплановых культур, возможно, стало то, что Я.В. Брюс, возглавлявший Печальную комиссию, первоначально намеревался провести аналогию с последними царскими похоронами Московского государства [34, с. 837].

В результате печальная процессия получила компилятивный характер с включением как западноевропейских, так и московских традиций, что наилучшим образом отражало личность усопшего [18, с. 711]. Формы старого обряда органично встроились в канву нового государственного церемониала, и очевидцами отмечалось, что печальная процессия представляла «обычное по уставу погребальное последование» [26, с. 37].

Сюжеты декора, как правило, имели вполне конкретно понимаемую современниками символическую основу. Традиционными для украшения парадного убранства царской лошади были не только изображения ездоца, но и фигуры четырех гербовых животных – грифона, орла, единорога и льва.

Система государственной символики с их участием оформляется с 3 февраля 1561 г., когда «царь и великий князь печать старую меньшую... переменял, а учинил печать новую складную: орёл двоеглавной, а среди его человек на коне, а на другой стороне орёл же двоеглавной, а среди его инърог» [27, с. 101; 28, с. 429]. Реформа царской печати и государственной символики была напрямую связана с новым царским статусом Московского государя [27, с. 101]. С принятием Иваном Грозным царского титула, вероятно, также следует связывать появление на голове ездоца короны [8, с. 145].

Герб русского государства состоял из двух эмблем: «ездеца», то есть всадника, поражающего змия, и двуглавого орла [13, с. 275]. Именно при Иване Грозном изображение «человека на коне» было помещено посередине орла [35, с. 16]; изображение было тождественно царской печати. Иконографический тип всадника на коне был широко распространен в античном мире как воплощение образа воина и героя [16, с. 13]. Впервые, по мнению Б.В. Кёне, он встречается на динариях римской фамилии Фонтеев, а затем и на императорских монетах. На русских княжеских печатях ездец начал изображаться с XIII в. [8, с. 143–144].

В России позднего средневековья «ездец» понимался как святой покровитель государя [35, с. 20] и как сам государь [39, с. 343], изображенный символически [8, с. 143], тем более что другими устоявшимися названиями ездоца были «государь на аргамаке» и «сам царь с копьём», при этом всадник изображался без нимба, как светская персона. «При великом князе Василье Ивановиче бысть знамя на денгах: князь великий на коне, а имея меч в руке, а князь великий Иван Васильевич учини знамя на денгах: князь великий на коне, а имея копьё в руке и оттоле прозваша денги копейныя», – гласит вторая Софийская летопись под 1535 г. [8, с. 145].

Это восприятие было вполне официальным. Так, текст одной из Описей имущества Оружейной палаты прямо называет сюжет с ездецом «царь на коне колет копьём змия» [8, с. 145]. В некоторых случаях ездец не только назывался «государем» или «царем», но и имел портретное сходство с правителем [32, с. 106]. Он изображался в царском венце и с бородой, что обеспечивало его узнавание.

Так или иначе, персонализация ездоца была доказана и очевидна. В то же время она была не буквальной: царь-ездец понимался современниками как царь-победитель и как символ государственной власти. Стоит отметить, что так же изображался и наследник государя [39, с. 343, 349].

Со временем смысл, присваиваемый всаднику московского герба, изменился. Эволюция коснулась той части образа, которая относилась к царю-победителю. Постепенно он получил значение образа Св. Георгия; при этом не нарушалась общая символика образа святого всадника в силу легитимности идеи о божественном происхождении царя и царской власти [39, с. 349]. В Византии Св. Георгий считался покровителем воинов-всадников, а в день его памяти устраивали скачки на лошадях; на Руси он воспринимался не только как помощник в ратных делах, но и как небесный покровитель земных правителей [31, с. 39, 42, 46, 49].

Иконография этого, одного из наиболее почитаемых святых в православном мире, вариативна; число изображений огромно. Он выступает в различных одеяниях – в хламиде или в воинских доспехах, с мечом или с крестом, но облик его неизменно узнаваем. Наибольшую популярность получил Св. Георгий в образе победоносного воина в доспехах и плаще, вооруженного щитом и мечом или копьём.

Одно из самых известных деяний Св. Георгия – Чудо о змие, зафиксированное на мольбовоулах с VI–VII вв., в храмовых изображениях – с X в., а в письменности с XII в. Со временем сложилось два основных иконографических извода Чуда Георгия о змие: краткий и развернутый. Краткий извод, где изображены только главные действующие лица – всадник и змей, встречается с XII в., в том числе и на Руси, но здесь позднее, с XIV в. Согласно развернутому изводу изображаются все второстепенные детали сюжета; это более поздние изображения, известные только с XV в. [31, с. 42, 51].

Ездец получает неформальную трактовку как Св. Георгий к 1710-м гг., она заменяется официальной уже в 1722 г. [35, с. 15]. Иностранцы, посещавшие Россию в XVI–XVII вв., воспринимали этот символ как св. Георгия и ранее этого времени (Р. Барберини, Д. Принтц фон Бухау, С. Коллинс и др.) [32, с. 107].

«Чеканят ее [серебряную монету] только на двух площадях, – рассказывает путешественник Р. Барберини о Московии 1564 г., – в Москве, где изображается на этой монете всадник на коне с мечом в руке; да в Новгороде, с изображением на ней Св. Георгия» [3, с. 35].

«Вместо герба (pro insignibus) Московские Князья в продолжение долгого времени употребляли образ Св. Георгия воина, поражающего копьем дракона... А Иван Васильевич, приобретши два Царства, Казанское и Астраханское, по собственной воле, как я думаю, выбрал себе двуглавого орла с распущенными крыльями, около которого написано его имя с главными областями, а у орла на груди помещен образ Георгия», – сообщает посол Священной Римской империи Д. Принтц фон Бухау, бывший при дворе Ивана Грозного в 1576 г. [25, с. 61].

«На гербе Императорском изображен орел с распростертыми крыльями, что знаменует происхождение его от Римских Императоров; но у этого герба есть то отличие, что над двойной головою орла изображается корона с крестом, а на груди Св. Георгий на коне», – подтверждает медик С. Коллинс, находившийся при дворе Алексея Михайловича в 1658–1666 гг. [15, с. 17].

До XVIII в. «всадник на коне» не воспринимается как Св. Георгий и изображается без нимба (в том числе и ездец ключевого для трансформации образа периода – конца XVII в. с изображением Петра I). Впоследствии нимб так и не появляется, поскольку иконографическая традиция изображения святого сохраняется [8, с. 147].

Единорог вошел в систему российских государственных символов с февраля 1561 г.; в течение следующего столетия он периодически из нее выходил (его не было на печати царя Федора Иоанновича) и вновь возвращался [27, с. 101; 28, с. 428–429]. Семантика ездца и единорога в этот период была равнозначна [9, с. 22].

Часто единорог изображался в паре со львом; это сочетание имеет древние корни, но в русской геральдике эта парная эмблема получает наибольшее распространение только со времен правления первых Романовых [28, с. 432]. В конском церемониальном убранстве чаще всего встречались две композиции: первая – из противостоящих льва и единорога, а другая – из таких же фигур, расположенных по сторонам орла.

Чеканными накладками с одиночными изображениями львов было украшены бархатные тебеньки седла, принадлежащего царю Михаилу Федоровичу. Это седло, входившее в полный наряд царской лошади, было выполнено в 1637–1638 гг. в мастерских Московского Кремля теми же мастерами, которые чуть ранее изготовили царские регалии: венец, державу, скипетр и саадак [33, с. 2].

Четвертым в этой системе был грифон, или, как его называли на Руси, гриф. Его изображения также служили для обозначения наиболее статусных вещей. Так, в царской Конюшенной казне имелся «...покровец изорбатной золотной; по нем травы разных шолков. В середине четыре грифа, кругом бахрома золотная. Подложен тафтою зеленою» [7, с. 499]. Здесь особое значение покровца подчеркивается материалом, выбранным для его изготовления. Это изорбаф (изорбат) – золотный персидский шелк, по своим внешним свойствам схожий с другой царской материей – с обьярью.

Несомненно, что эти четыре фигуры (грифон, единорог, орел, лев) в сочетании с ездем следует рассматривать в качестве единой российской государственной символической системы [29, с. 115]. Они украшали собой наиболее значимое церемониальное убранство, чья аллегорическая символика превращала утилитарное убранство (например, седельную попонку – «...отлас золотной, шолк зелен, да ал, да червчат да чорн, шиты звери... Бахрома шолк зелен с золотом. Подложена отласом зеленым» [6, с. 9]) – в ритуально значимую вещь.

В целом богатый декор конского убранства, выполненный с включением государственного герба и гербовых фигур, не оставляет сомнений в том, что оно имело особый статус среди прочего конского убранства. Великолепие конского снаряжения усиливало величие царского образа, а символические сюжеты, насыщенные гербовыми фигурами, наполняли конское убранство царской лошади – верного спутника своего царственного всадника при жизни и после его смерти – новым смыслом.

Список литературы

1. Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII. Т. 3. Москва. М.: Универ. Тип, 1898.
2. Амелехина С.А., Бобровницкая И.А., Моршакова Е.А. Венчания на царство и коронации в Московском кремле: в 2 т. Т. 2. М.: Азбука, 2013.
3. Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1843. С. 2–64.
4. Богомолов С.Н. О значении слова: варяг, казак, росс и рет, или как должно понимать эти слова в истории. Тифлис, 1848.
5. Вельтман А.Ф. Московская Оружейная палата. М.: Тип. Бахметева, 1860.
6. Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. Вып. 1. М.: Типо-Литография С.П. Архипова, 1877.
7. Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. Вып. 2. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1883.
8. Вилинбахов Г.В. Всадник русского герба // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре. Каталог выставки. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. Казань: Славия, 2007. С. 143–149.
9. Вилинбахов Г.В. Русские знамена XVII в. с изображением единорога // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1982. № 47. С. 22–25.
10. «Во утверждение дружбы...» Посольские дары русским царям. Каталог выставки / сост. и авт. ст. И.А. Загородняя. М.: Московский Кремль, 2005.
11. Государева Оружейная палата. Сто предметов из собрания Российских императоров. СПб.: Атлант, 2002.
12. Денисова М.М. Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М.: Искусство, 1954. С. 247–304.
13. Жуков В.Ю. Похвальное слово лошади // Цепляев А.А. Конная скульптура Санкт-Петербурга. Гипопластика / под ред., с предисл. и послесл. В.Ю. Жукова. СПб.: Росток, 2011. С. 244–290.
14. Кириллова Л.П. Старинные экипажи. Сокровища Оружейной палаты. М.: Красная площадь, 2000.
15. Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1846. № 1. С. 1–47.
16. Королькова Е.Ф. «Полцарства за коня...» // «Полцарства за коня...» Лошадь в мировой культуре. Каталог выставки. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. Казань: Славия, 2007. С. 13–28.
17. Коронационный альбом в память священного коронования их императорских величеств в Москве 15 мая 1883 года. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1883.
18. Лихачев Д.С. Была ли эпоха Петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? // Петр Великий: pro et contra: личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2003. С. 708–712.

19. Мельникова О.Б. Серебряные конские цепи в Оружейной палате // *Художественные памятники Московского Кремля. Материалы и исследования*. М.: Московский Кремль, 2003. С. 121–132.
20. Ненарокова И.С. *Государственные музеи Московского Кремля*. М.: Искусство, 1987.
21. *Опись Московской Оружейной палаты: в 7 ч. [10 кн.]*. Ч. 4. Кн. 3. Холодное оружие. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1885.
22. *Опись Московской Оружейной палаты: в 7 ч. [10 кн.]*. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. Ловчий снаряд. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1884.
23. *Посольские дары / авт.-сост. И. И. Вишневецкая и др.* М.: Красная площадь, 1996.
24. *Придворные экипажи. Царскосельское собрание. Альбом / сост. И.И. Бредихина*. СПб.: Аврора, 2008.
25. Принц Даниил фон Бухау. *Начало возвышения Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова, советника августейших императоров Максимилиана II и Рудольфа II и дважды бывшего чрезвычайным послом у Ивана Васильевича Великого князя Московского // Чтения в Обществе истории и древностей российских*. 1876. № 4. С. 47–75.
26. Прокопович Ф. *Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского*. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831.
27. Пчелов Е.В. *Изменения государственного герба России в XVI–XVII в. и их причины / Тезисы докладов участников VIII международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 3 (61). С. 101–102.
28. Пчелов Е.В. «Лев и единорог» в русской культуре: к вопросу о семантике символов // *Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова*. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 426–435.
29. Пчелов Е.В. *Символика воинских регалий московских царей // Власть*. 2009. № 2. С. 114–116.
30. *Ритуал печального кортежа: ритуал похорон рос. императоров / сост. Кащенко Н.Е. и др.* СПб.: Рос.гос. ист. арх., 1998.
31. Саенкова Е.М., Герасименко Н.В. *Иконы святых воинов. Образы небесных защитников в византийском, балканском и древнерусском искусстве*. М.: Интербук-бизнес, 2008.
32. Соболева Н.А. *Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета*. М.: Языки славянских культур; Знак, 2006.
33. Толстоухова В. *Парадное конское убранство и старинные экипажи*. М.: Изобразительное искусство, 1979.
34. Труворов А.Н. *О саях, употреблявшихся при погребении русских великих князей, царей и цариц // Русская старина*. 1887. № 12. С. 836–842.
35. Хорошкевич А.Л. *Символы русской государственности*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
36. Шабельская Н.Л. *Материалы и технические приемы в древнерусском шитье // Вопросы реставрации: сборник Центральных Государственных Реставрационных Мастерских*. Вып. 1 / под ред. И.Э. Грабаря М.: ЦГРМ, 1926. С. 113–124.
37. Шапиро Б.Л. *Жемчужный чепрак второй половины XVII в. из мастерских Московского Кремля // «История кружева – история страны»: Сборник статей Международной научно-практической конференции*. Москва, 3 ноября 2016 г. / сост. Рычкова Е.А. М.: Интерпринт. 2016. С. 10–12.
38. Шапиро Б.Л. *Реликты славянского культа коня в погребальном обряде государственного чина по московскому обычаю // Клио*. 2016. № 7(115). С. 133–141.
39. Юрганов А. Л. *Категории русской средневековой культуры*. М.: МИРОС, 1998.
40. *Gifts to the Tsars. 1500-1700. Treasures from the Kremlin. Exhibition Catalogue / ed. by V. Shifman, G. Walton*. New York: Harry Abrams Pub., 2002.

References

1. Aleppskij P. *Puteshestvie antiohijskogo patriarha Makarija v Moskvu v seredine XVII. Vol. 3. Moskva. Moscow: Publ. Univer. Tip, 1898.*
2. Amelehina S.A., Bobrovnickaja I.A., Morshakova E.A. *Venchanija na carstvo i koronacii v Moskovskom kremle: v 2 t. Vol. 2. Moscow: Publ. Azbuka, 2013.*
3. Barberini R. *Puteshestvie v Moskoviju Rafajelja Barberini v 1565 godu // Skazanija inostrancev o Rossii v XVI i XVII vekah. Saint Petersburg: Publ. Tip. Shtaba voenno-uchebnyh zavedenij, 1843. P. 2–64.*
4. Bogomolov S.N. *O znachenii slova: varjag, kazak, ross i ret, ili kak dolzhno ponimat' jeti slova v istorii. Tiflis, 1848.*
5. Vel'tman A.F. *Moskovskaja Oruzhejnaja palata. Moscow: Publ. Tip. Bahmeteva, 1860.*
6. Viktorov A.E. *Opisanie zapisnyh knig i bumag starinnyh dvorcovyh prikazov 1584–1725. Vyp. 1. Moscow: Publ. Tipo-Litografija S.P. Arhipova, 1877.*
7. Viktorov A.E. *Opisanie zapisnyh knig i bumag starinnyh dvorcovyh prikazov 1613–1725. Vyp. 2. Moscow: Publ. Tip. M.P. Shhepkina, 1883.*
8. Vilinbahov G.V. *Vsadnik russkogo gerba. "Polcarstva za konja..." Loshad' v mirovoj kul'ture. Katalog vystavki. Proizvedenija iz sobranija Gosudarstvennogo Jermitazha. Kazan': Publ. Slavija, 2007. P. 143–149.*
9. Vilinbahov G.V. *Russkie znamenja XVII v. s izobrazheniem edinoroga. Soobshhenija Gosudarstvennogo Jermitazha. 1982. No. 47. P. 22–25.*
10. *"Vo utverzhenie družby..." Posol'skie dary russkim carjam. Katalog vystavki / sost. i avt. st. I. A. Zagorodnjaja. Moscow: Publ. Moskovskij Kreml', 2005.*
11. *Gosudareva Oruzhejnaja palata. Sto predmetov iz sobranija Rossijskih imperatorov. Saint Petersburg: Publ. Atlant, 2002.*
12. Denisova M. M. *Konjushennaja kazna. Paradnoe konskoe ubranstvo XVI–XVII vekov. Gosudarstvennaja Oruzhejnaja palata Moskovskogo Kremlja. Moscow: Publ. Iskusstvo, 1954. P. 247–304.*
13. Zhukov V. Ju. *Pohval'noe slovo loshadi. Cepljaev A. A. Konnaja skul'ptura Sankt-Peterburga. Gippoplastika / pod red., s predisl. i poslesl. V. Ju. Zhukova. Saint Petersburg: Publ. Rostok, 2011. P. 244–290.*
14. Kirillova L.P. *Starinnye jekipazhi. Sokrovishha Oruzhejnoj palaty. Moscow: Publ. Krasnaja ploshhad', 2000.*
15. Kollins S. *Nyneshnee sostojanie Rossii, izlozhennoe v pis'me k drugu, zhivushhemu v Londone. Sochinenie Samuila Kollinsa, kotoryj devjat' let provel pri Dvore moskovskom i byl vračom carja Alekseja Mihajlovicha // Chtenija v Obshhestve istorii i drevnostej rossijskih. 1846. No. 1. P. 1–47.*
16. Korol'kova E.F. *"Polcarstva za konja..." Loshad' v mirovoj kul'ture. Katalog vystavki. Proizvedenija iz sobranija Gosudarstvennogo Jermitazha. Kazan': Publ. Slavija, 2007. P. 13–28.*
17. *Koronacionnyj al'bom v pamjat' svjashhennogo koronovanija ih imperatorskih veličestv v Moskve 15 maja 1883 goda. Saint Petersburg: Publ. Tip. V.S. Balasheva, 1883.*
18. Lihachev D.S. *Byla li jepoha Petrovskih reform pereryvom v razvitii russkoj kul'tury? // Petr Velikij: pro et contra: lichnost' i dejanija Petra I v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej: antologija. – SPb.: Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2003. P. 708–712.*
19. Mel'nikova O.B. *Serebrjanye konskie cepi v Oruzhejnoj palate. Hudozhestvennye pamjatniki Moskovskogo Kremlja. Materialy i issledovanija. Moscow: Publ. Moskovskij Kreml', 2003. P. 121–132.*
20. Nenarokomova I.S. *Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlja. Moscow: Publ. Iskusstvo, 1987.*
21. *Opis' Moskovskoj Oruzhejnoj palaty: v 7 ch. [10 kn.]. Ch. 4. Kn. 3. Holodnoe oruzhie. Moscow: Tip. O-va rasprostranenija poleznyh knig, 1885.*

22. *Opis' Moskovskoj Oruzhejnoj palaty: v 7 ch. [10 kn.]. Ch. 6. Kn. 5. Konjushennaja kazna. Lovchij snarjad. Moscow: Publ. Tip. O-va rasprostraneniya poleznykh knig, 1884.*
23. *Posol'skie dary / avt.-sost. I.I. Vishnevskaja i dr. M.: Publ. Krasnaja ploshhad', 1996.*
24. *Pridvornye jekipazhi. Carskosel'skoe sobranie. Al'bom / sost. I.I. Bredihina. Saint Petersburg: Publ. Avrora, 2008.*
25. *Printc Daniil fon Buhau. Nachalo vozvysheniya Moskovii. Sochinenie Daniila Princa iz Buhova, sovetnika avgustejshih imperatorov Maksimiliana II i Rudol'fa II i dvazhdy byvshego chrezvyčajnym poslom u Ivana Vasil'evicha Velikogo knjazja Moskovskogo. Chteniya v Obshhestve istorii i drevnostej rossijskih. 1876. No. 4. P. 47–75.*
26. *Prokopovich F. Kratkaja povest' o smerti Petra Velikogo, imperatora i samoderzhca vserossijskogo. Saint Petersburg: Publ. Tip. I. Glazunova, 1831.*
27. *Pchelov E.V. Izmeneniya gosudarstvennogo gerba Rossii v XVI–XVII v. i ih prichiny / Tezisy dokladov uchastnikov VIII mezhdunarodnoj konferencii "Kompleksnyj podhod v izuchenii Drevnej Rusi" Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 2015. № 3 (61). P. 101–102.*
28. *Pchelov E.V. «Lev i edinorog» v russoj kul'ture: k voprosu o semantike simvolov. Issledovanija po lingvistike i semiotike. Sbornik statej k jubileju Vjach. Vs. Ivanova. Moscow: Publ. Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. P. 426–435.*
29. *Pchelov E.V. Simvolika vojskijh regalij moskovskih carej. Vlast'. 2009. No. 2. P. 114–116.*
30. *Ritual pechal'nogo kortezha: ritual pohoron ros. imperatorov / sost. Kashhenko N.E. i dr. Saint Petersburg: Publ. Ros. gos. ist. arh., 1998.*
31. *Saenkova E.M., Gerasimenko N.V. Ikony svjatyh vojnov. Obrazy nebesnyh zashhitnikov v vizantijskom, balkanskom i drevnerusskom iskusstve. Moscow: Publ. Interbuk-biznes, 2008.*
32. *Soboleva N.A. Očerki istorii rossijskoj simvoliki: Ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta. Moscow: Publ. Jazyki slavjanskih kul'tur; Znak, 2006.*
33. *Tolstouhova V. Paradnoe konskoe ubranstvo i starinnye jekipazhi. Moscow: Publ. Izobrazitel'noe iskusstvo, 1979.*
34. *Truvorov A.N. O sanjah, upotrebljavshihsja pri pogrebenii russkijh velikijh knjazej, carej i caric // Russkaja starina. 1887. No. 12. P. 836–842.*
35. *Horoshkevich A.L. Simvolj russoj gosudarstvennosti. Moscow: Publ. Izd-vo Mosk. un-ta, 1993.*
36. *Shabel'skaja N.L. Materialy i tehničeskie priemy v drevnerusskom šit'e. Voprosy restavracii: sbornik Central'nyh Gosudarstvennyh Restavracionnyh Masterskijh. Vyp. 1 / pod red. I. Je. Grabarja Moscow: Publ. CGRM, 1926. P. 113–124.*
37. *Shapiro B.L. Zhemchuzhnyj cheprak vtoroj poloviny XVII v. iz masterskijh Moskovskogo Kremlja // "Istorija kruzheva – istorija strany": Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Moskva, 3 nojabrja 2016 / sost. Rychkova E.A. Moscow: Publ. Interprint. 2016. P. 10–12.*
38. *Shapiro B.L. Relikty slavjanskogo kul'ta konja v pogrebal'nom obrjade gosudarskogo china po moskovskomu obyčajju. Klio. 2016. No. 7(115). P. 133–141.*
39. *Jurganov A.L. Kategorii russoj srednevekoj kul'tury. Moscow: Publ. MIROS, 1998.*
40. *Gifts to the Tsars. 1500–1700. Treasures from the Kremlin. Exhibition Catalogue / ed. by B. Shifman, G. Walton. New York: Publ. Harry Abrams Pub., 2002.*